

Отражение в титулатуре силовых взаимоотношений между Россией, Крымом и Османской империей. Часть 2.¹

Халил Инальджик

Аннотация. Данная статья является переводом с английского языка научной работы турецкого историка крымскотатарского происхождения Халила Инальджика “Power Relationships between Russia, the Crimea and the Ottoman Empire as Reflected in Titulature”. В ней рассматриваются исторически сложившиеся взаимоотношения между Россией, Крымским ханством и Османской империей, анализируются причины периодического изменения титулатуры глав стран. В работе уделяется внимание и экономическим взаимоотношениям между соседними с Крымским ханством странами. В частности, рассматривается система дани, оплачиваемой этими странами Крымскому ханству, их виды, направленность и причины. Представлена терминология *дани* или *подарков*, отправляемых Крымскому хану, членам его семьи, ближайшему окружению и челяди. Среди них наиболее важными были *uluğ hazine, nokrat akçasi, koltka, tiyiş, bölek*. Детально описывается каждый вид дани и что входило в её состав: меха, дорогие шерстяные ткани, драгоценности, деньги золотом и серебром.

Ключевые слова: Крымское ханство, Османская империя, титулатура, дань, Россия, силовые взаимоотношения, официальные лица.

Для цитирования: *Инальджик Х.* Отражение в титулатуре силовых взаимоотношений между Россией, Крымом и Османской империей. Часть 2. / *Инальджик Х.; пер. с англ. Сейтхалилова Л. С.* // Крымское историческое обозрение. 2020. № 1. С. 19–44. DOI: 10.22378/kio.2020.1.19-44

Последовавший период принёс новое развитие событий, и они сделали Россию ещё большим вызовом для османских интересов. Османская империя, поглощённая Венецианской войной (1645–1669 гг.), не могла активно вмешиваться в решающие события, происходящие в то время в Украине.

¹ Перевод статьи с английского языка – Сейтхалилова Л. С. Первая часть статьи размещена в предыдущем номере журнала (Инальджик Х. Отражение в титулатуре силовых взаимоотношений между Россией, Крымом и Османской империей / Инальджик Х.; пер. с англ. Сейтхалилова Л. С. // Крымское историческое обозрение. 2019. № 2. С. 86–107).

Хотя в период 1648–1653 годов ханство сумело преуспеть в заключении союза с запорожскими казаками и сохранило протекцию османов, в итоге без активной поддержки Порты попытка полностью провалилась [56]. Только при энергичной поддержке семьи визиря Къёпрюлю [Köprülü] османов завершили Венецианскую войну и восстановили мощь империи, начали интересоваться северными вопросами и возобновили совместное османско-крымское наступление против России в Украине (1678–1681 гг.). Мурад Герай-хан I (1678–1683 гг.) и все члены династии (и) крымской аристократии с энтузиазмом участвовали в этой популярной войне [57]. Проследить за изменяющимися державными, силовыми отношениями между московским правителем, крымским ханом и османским султаном – это значит, сделав ревизию, пересмотреть русские дипломатические инициативы в Крыму и Стамбуле, целью которых было представление царю всё более высоко превозносящих его почётных титулов ровно в той степени, в какой он чувствовал рост своей мощи с взятием Азака донскими казаками (1637–1642 гг.), союза с днепровскими казаками (1654 г.) и завершением долгой войны против Польши (1667 г.)

Общий почётный титул для всех христианских правителей был *Kidvatu* (или *Umdatu*, или *iftikhāru*) *I – Umerā` i`l-Milleti`l-Mesīhiyye`* (*Людер или Гордость всех Эмиров Христианства*) [58]. Немецкий император, французский король, русский царь и валахский принц – все рассматривались как *emirs par excellence* (эмиры по преимуществу), титул, который в исламском пользовании имел в виду военных командиров или членов правления при Калифе, а также правителей второго уровня. В вокабулярии османов слово *emir* было синонимом слова *beg* и использовалось в отношении главных военачальников губернии, включая *sūbaşı* или *za`im* (младший офицер, командир *timariot sipāhi* – конные воины в подразделении или санджаке).

Beyler-beyi, на османском означющее генерал-губернатор, – обращение, которое использовалось в официальной корреспонденции с титулом *“Emiru`l-Umerā`i`l-kirām”* (*Эмир среди всех прославленных эмиров*), и под ним *emir* или *veg* с *“Meḥkharu` (или Iftikhāru`) l-Umerā`-i`l-kirām”* и *Subaşı* с *“Kidvatu (или Iftikhāru`) z- Zu`amā”*. (Совершенно ясно, что первая часть титула (*elkāb*), используемая в отношении христианских правителей такая же, что и используемая в отношении османских военных командиров. Даже сама суть почётного титула, используемого в обращении к германскому императору, *“Iftikhāru`I Umerā`i`I-izām”* [59], та же, что и титул *sancak begi* (санджак-бей).

На самом деле нам необходимо отличать две части одной надписи (*inscriptio*), подлинник истинно османской части – *Iftikhāru* и действительно законный или официальный титул правителя, такой как *Knez (Kniaz`)*, *Kiral*, или *Çar (Tsar)*, и так далее. Фактически, исконно христианские ти-

тулы такие как: Kral (Kiral), Çar, Çasar, Imperator (или Imperador), Hersek, Voivoda, Knez, Doj – все используются в османских документах. Османской канцелярии приходилось определять, какой османский титул соответствовал определённому христианскому титулу. Исследование титулов (nâme), отправленных в зарубежные страны, показывает, что титул *Padişah* использовался в значении *император, царь*, а также как король, например, король Франции [60], или beg (bey) в отношении любого короля, принца или воеводы. Эволюция титулатуры, используемой в обращении к императору Святой Римской Империи (*Emperor of the Holy Roman Empire*), особенно интересна с точки зрения того, что она чётко следовала за изменениями, происходящими в государственных и силовых взаимоотношениях между Османским и Габсбургским государствами [61].

По мнению советского историка А. А. Новосельского, османы впервые согласились использовать титул Царь (Sar или Çar по-турецки) по отношению к правителю москвитян в 1643 году, после освобождения Азова в 1642 году [62]. Однако в письме к Ивану IV Селим II (1566 – 1574 гг.) использовал титул *король, царь* Москвы (“*Moskov Krali Sar*”). Очевидно, Sar (Tsar) в то время не обозначало (Caesar), цезарь или император [63].

Общий почётный титул (*khitâb* или *elkâb*), используемый османской канцелярией для крымского хана был: ”Djenâb-i Emâret-ma`âb Eyâlet-nişâb Devlet-iktisâbZu`l-kadr al-atamm v`al-fakhr al-aşammal-mukhtaşş bi-mezidi `inâyet` il-Malik il-Mannân Kirim Khani [имя хана] dâmat ma`alihu” [64].

Иногда, при особых обстоятельствах, использовался более возвышенный титул (*elkâb*). Титул, используемый применительно к Мехмед Гераю, [65] содержит редко используемую фразу *Saltanat-Iyâb*. Временами использовался также титул *Devlet-ma`âb*. Такие сложные титулы как *saltanat* или *devlet* явно ставили крымского хана выше османских беков.

Титул (*Elkâb*) крымских ханов был такой же, как и у малых или вассальных мусульманских династий, фраза *emâret-ma`ab* очевидно относилась к наследственной природе слова *emâret* [66]. По крайней мере, титул, которым пользовался крымский хан в письмах, адресованных к царю [67], действительно продолжал традиции Великого хана Золотой Орды и не имел никакого отношения к османскому *elkâb* (титулу) крымского хана, и Москва должно быть хорошо об этом знала.

Pâdişâh–Падишах

Титул *Падишах* – это основной по значимости титул османского султана, в доисламском Иране означающий верховный правитель [68], используемый Мохаммедом Гераем в отношении самого себя (как “*Moğol Pâdişâhi*”) в 1520 году [69] и Гази Гераем II в форме “*Deşt-i Kipcakniñ Uluğ Pâdişâhi*” в 1592 году. В том же самом письме, которое адресовано польскому королю,

он представлял себя как “Deşt-i Kıpçak Khani” (Хан Дешт-и Кыпчака). В своих письмах к правителям христианских стран крымские ханы всегда использовали престижный титул *Uluğ Pādişāh* (Великий падишах), который, очевидно, был синонимичен титулу *Uluğ Khan* (Великий хан) [70]. Крымские ханы использовали титул *Великий падишах* в общении с правителями Московии, очевидно, с того же самого времени, как они стали использовать титул *Великий хан*. Самый ранний документ, использующий титул *Великий падишах* при обращении к московским правителям, опубликованный из материалов коллекции В. Вельяминова-Зернова и Хусейна Фейзханова, относится к 1624 году [71]. Его первое использование, возможно, уходит в ещё более ранний период.

Необходимо отметить, что в вышеупомянутом письме Гази Герай хана, османский султан представлен как *Pādişāh Khundkār*. (Падишах, великий властелин или император). Используя титул *падишах*, в отношении самого себя, хан, очевидно, намеревался подчеркнуть своё более высокое положение перед царём, если даже не сюзеренитет, как принца из рода Чингизидов, скорее, чем пытался каким-либо образом соперничать с османским падишахом [72]. В своих письмах к царю хан временами именовался титулом *Āl-i Djengiz Pādişāhi Hān-i azām* (*Великий хан, падишах из рода Чингисидов*), в то время как к османскому падишаху было обращение *Āl-i `Osmān Pādişāhi* (*Падишах из рода Османов*) [73]. В письмах к царю титулы, используемые ханом в отношении османского султана, также варьировали в зависимости от обстоятельств. Когда хан намеревался угрожать царю, демонстрируя мощь Османов, он использовал наиболее превозносящие его титулы, делая эмфазу на такой титул султана, как *Caliph* или Глава всех мусульман на земле: «*Mekka ve Medina milan Uluğ bolğan bu dünyā khalifesi Āl-i `Osman Pādişāhi*» или «*Uluğ yüz bin çok çok temleketlerniñ erkli `azamatlu Pādişāhi*», или «*Khān-i a`zam khakān al-Mu`zzam Hazretleri*» [74].

Титул *падишах* был усилен в своём значении посредством добавления слов *uluğ* (великий), *a`zam* (величайший) или *ālempenāh* (всемирный). В то время как к хану или царю обращались просто по титулу *Uluğ Pādişāh* (Великий падишах), титул *Pādişāh-i ālempenāh* (Всемирный падишах) был принят исключительно только в обращении к османскому султану. Титул *Pādişāh* происходил из доисламских иранских традиций, но титулы *Sultān* (Султан) и *Khalife* (Халиф) были связаны с исламским государственным устройством и никогда не использовались в отношении правителей христианских стран.

Точно также титулы *Khundkār* (*Khunkār*) или *Khundāvand-i a`zam*, имеющие значение Великий властитель или Император, были предназначены исключительно для османского султана и никогда не использовались по отношению к хану или царю. Этот титул был обнаружен в письме адресован-

ном к османскому султану (Khundkār) Мехмеду Завоевателю, которое было датировано октябрём 1478 года, среди наиболее ранних крымских документов отправленных к Османам [75]. В Османском государстве он был впервые использован Мурадом I (1362–1389 гг.), который был известен, как *Gāzi Khundāvendigār*, и оставался общим титулом османских султанов наряду с титулом *падишах*. С началом владения и протекцией над Меккой и Мединой османский султан приобрёл свой наиболее значимый титул, *Khādim al-Haramayn al-Şarīfayn*, подчёркивающий его лидерство в исламском мире. В письмах к царю хан упоминал это как оправдание за своё смирение перед османским султаном. В другой раз хан подчёркивал свою родословную как потомка Чингисхана, который считался единственным всеобщим императором в Монгольском мире. В своих письмах к правителям христианских стран крымские ханы, не колеблясь, использовали применительно к себе даже титул *Caliph* (Калиф) с целью легитимации своих прав на мусульманский татарский народ [76]. В 1654 году, в договоре о союзе с Джоном (Яном) II Казимиром, королём Польши, Мехмед Герай-хан своё письмо начал такими словами: Господь Бог возложил на него «мантию чести **Халифата**» (“the robe of honor of Khilāfet”), и, таким образом, все мусульманские татарские земли и народы принадлежат ему [77].

Притязания Гераев на одинаковый статус с Османами в родословной, должно быть, всеобщие известны. Таким образом, в 1688 году, когда янычары в Стамбуле какое-то время планировали устранение Османской династии, их глаза обратились к династии крымских Герай-ханов, как к единственному роду достойному занять место Османов на имперском троне [78]. Однако, османские султаны относились к крымским ханам как к своим лояльным “слугам” (*khidmet-kār*) или “рабам” (*kul*), и это принималось самими ханами, что становится очевидным из писем к османскому султану каждым членом династии Гераев после самого Менгли Герая, включая и тех, кто носил титул *хан* [79]. Хан претендовал быть выше по рангу, чем Великий визирь, и встречи хана с Великим визирем во время различных кампаний часто становились причиной возникновения трудностей в протоколе.

В 1681 году Великий визирь Кара Мустафа обратился к Мурад Гераю (после перечисления обычных титулов) таким образом:

«Fermānrevā-i memālik-i Ilhānī Mesned-ārāy-i erīke-i Djengīzkhānī `izzetlü ve rif `atlu ve sa` ādetlü karındaşimiz Murad Giray Khan».

Интересно слово, использованное Великим визирем в отношении хана, «*karındaşimiz*» (наш брат). Враждебность между заносчивым Великим визирем и Мурад Герай-ханом (1678–1683 гг.), который гордился своей родословной Чингисидов, возможно, возникла с того времени [80]. Антагонизм между ними стал одной из причин поражения Османов при осаде Вены в 1683 году.

Со времён Менгли Герай-хана, османские султаны признавали крымского хана как единственного посредника в своих взаимоотношениях с Россией [81]. Это было сделано с намерением дать хану уверенность, что России никогда не будет позволено в политическом плане соперничать с Крымом в Стамбуле. То было признание факта, что крымский хан, следуя традициям, установленным при великих ханах Золотой Орды, относился к правителям Московии как к «вассалам, платящим дань». Вследствие этого хан рассчитывал, что османский султан должен уважать права хана общения со своим «вассалом». В 1662 году визирь хана напомнил царю, что османский падишах был правителем сюзереном над царём, точно так же, как и хан [82]. С другой стороны, по условиям исламского законодательства, формальная оплата интерпретировалась как подчинение–харадж (*kharađj*), делая платящую сторону должником исламского государства. Когда бы ни происходила задержка в оплате дани, крымский хан воспринимал это как «восстание» и угрожал войной и бесконечными набегами на русскую территорию. Было постановлено, что ежегодная оплата *uluđ hazîne* (*великая дань*) являлась наиболее важным условием для сохранения мира с Россией [83].

К XVII веку Московия трансформировалась в мощную империю Восточной Европы, и *дань*, оплачиваемая Москвой, теперь интерпретировалась как «подарок». В 1643 году один из татарских послов в Москве назвал это «харадж» («подчинение»), царь строго отреагировал на данный факт и хан, принося свои извинения, написал царю, что он наказал и уволил этого человека [84]. Это означало фундаментальные изменения во взаимной позиции двух сторон. Однако оплата ежегодного «подарка» всё ещё рассматривалась как обязанность [85]. Мы увидим, что Россия получит полное освобождение от *uluđ khazîne* только к 1700 году по договору, подписанному в Стамбуле.

Maşrik ve Māğrib Pādişāhi **Падишах Востока и Запада**

В письме к Алексею I Михайловичу (1645–1676 гг.), Мехмед Герай IV (1641–1644, 1654–1666 гг.) жаловался:

«Вот уже несколько лет, отказавшись от пути, которому следовали твой отец и дед, и пытаясь превознести себя, ты используешь в своих письмах титул «Падишах запада, востока и севера». Являясь Великим падишахом, владеющим Меккой и Мединой между востоком и западом, даже османский падишах не использует такие титулы в отношении себя» [86].

Титулы, используемые царём Алексеем I Михайловичем в отношении себя и крымского хана в письме, датированном 1646 годом, были таковы: [87]

Tengri tabārek ve ta`ālānin rahmeti ve`ināyeti birlen Uluđ Pādişah Khan ve hem Uluđ Bey Aleksay Mikhaylavic dјümle Urusnuñ penāhi ve köp memleketlerniñ

de bolsa Pādişāhi ve Hükümdārından Uluğ-Ordanın Uluğ Khani karındaşımız Islām Giray Khan...

1. Tengri tebārek ve ta`ālāniñ rahmeti ve `ināyeti birlen – должно быть соответствовало *Божьей Милостью*;

2. Uluğ Pādişāh Khan ve hem Uluğ Bey – очевидно соответствовало *Великий Государь наш Царь и Великий Князь*;

3. Djümlе Urusnun penāhi – соответствовало *Всея Руси Самодержец*;

4. Köp memleketleriñ de bolsa Pādişāhi – соответствовала *Царь многих стран*.

Царь обращался к хану достаточно кратко, используя титул Великий хан (*Uluğ Khan*). Это наряду с титулом *Uluğ-Orda* было только остатком прошлого. Его обращение к хану как «*Karındaşımız*» (наш брат) интересно с точки зрения подчёркивания их одинакового статуса.

В договоре, заключённом в том же году, Ислам Герай III (1644–1654 гг.) использовал в отношении себя такую титулатуру [88]:

Tengri tabārek ve tā`ālāniñ rahmeti ve `ināyeti birlen Uluğ- Orda ve Uluğ Yurtniñ ve Deşt-i Kıpçakniñ ve Takht-i Kirimniñ ve Tat bilā Tavğaçniñ ve Tağ-ara Çerkesniñ Uluğ Pādişāhi bolğan `Āli-Hadret mā`āli-zinet khurşid-tal` at `utārid-fitnet Men Islām Giray Khān... sözüümüz oldur kim

В этом договоре титулы, используемые в отношении царя те же самые, что и указанные выше.

Наряду с перечислением стран, находящиеся под его управлением, титулы Ислам Герая состояли из «*Uluğ Orda ve Uluğ Yurtniñ...Uluğ Pādisāhi Khan*». *Uluğ-Orda ve Uluğ Yurt* – была ссылка на притязания крымского хана на родословную от Золотой Орды, в то время как *Uluğ Pādişāh*, являлся имитацией османской титулатуры [89]. Первая часть титула (*Tengri... birlen*), должно быть, тоже пришла из османской практики, который соответствовал западному *Dei Gratia* (Божьей Милостью) [90].

Ни хан, ни царь не использовали в вышеупомянутых письмах титул «*Mağrib ve Maşrik Pādişāhi*» («*Падишах Востока и Запада*»), потому что крымцы (крымские татары. – Прим. пер.) возражали, как это видно из вышеупомянутых писем Мехмед Герай-хана и Сефер Гази-ага.

Но в 1671 году Адиль Герай-хан использовал в отношении Алексея I титул «*Maşrik ve Mağrib ve Şimāl taraflarında bolğan Khristiyanniñ ata ve babadin olagelmiş Uluğ Pādişāhi*» (*Великий падишах, происходящий от отцов и прадедов христианских народов, проживающих на территориях Востока, Запада и Севера...*) [91]. Таким образом, через декаду или более после возражения Мехмеда Герая IV относительно притязаний царя на титул «*Emperor of the East and West*» – «*Император Востока и Запада*», титул был принят в модифицированной форме.

`Ālem-Penāh, Djümle Urusnuñ Penāhi

(Спаситель мира, Вселенский спаситель русских)

Уже в 1643 году царский посол настоял на том, чтобы слово *`Ālem-penāh*, означающее «Убежище, спаситель мира» или «Вселенский», крымскому хану следует добавлять к титулу *Khān-i a`zam* – Великий хан [92]. Они также были против обращения крымского хана к царю в форме, ранее использовавшейся при обращении к младшим офицерам: «*i`lām-i yarliğ-i şerif-i khāni budur ki*» (буквально «что обозначено в благородном имперском ярлыке, именно это») [93].

Калгай Фетх Герай в своём письме к царю сообщил об отказе от этой командной формулировки, но добавил, что, несмотря на настояния послов, нельзя использовать титул *Ālem-penāh* относительно царя. Намерения царя были совершенно очевидны: он хотел, чтобы крымский хан признал его равным по титулу османскому императору, сюзерену хана, что было совершенно неприемлемо для крымцев (крымских татар.– Прим. пер). Титул *Ālem-penāh* был один из наиболее возвышенных титулов, используемых Османским султаном, указывающих на его притязания на мировую империю. Близкий друг хана Мехмед Шах-бей писал царю, что использование такого титула применительно христианского правителя противоречит исламу [94].

Нурадин Гази Герай (Nür al-Din (Nuradin) использовал титул *`Ālem-penāh* в своём письме к царю, написанному в то же самое время [95].

Позднее, в письме датированным мартом 1671 года, титул *Penāh* использовался крымскими татарами в ограниченном виде следующем образом: «*Djümle Urusniñ penāhi*» (Спаситель всех русских) [96] и позднее, «*Uluğ ve Küçük ve Ak Urusniñ penāhi*» (Спаситель или защитник Великой, Малой и Белой Руси) [97]. Но форма «*i`lām-i yarliğ...*» вновь появилась в том же документе.

МИРНЫЙ ДОГОВОР 1681 ГОДА

Договор о мире 1681 года имеет особую важность как последний дипломатический документ перед мирным договором 1700 года, который изменит всю модель османских, крымских и русских взаимоотношений. Переговоры, ведущие к их подписанию, особенно иллюстрируют природу отношений в предшествующий им период.

Как детально описано в предисловии к договору 1681 года [98], «полномочные послы» царя (*mu`teber elçiler*) сначала прибыли в крымскую столицу и стали вести переговоры о заключении договора с Мурад Герай-ханом. По словам султана, «Мурад Герай был представителем и посредником султана в этом вопросе» («*Bu khusüsa devet-i`aliyyem tarafından vekil*»). По за-

ключении соглашения об условиях мирного договора документ (*temessük*), представленный послом, был отправлен Великому визирю Порты, который, в свою очередь, представил его на одобрение султану. В конечном итоге султан издал документ относительно договора, в котором заявлял, что одобрил документ «из жалости к божьим созданиям, страдающим в войнах». Царь тут же отправил своего посла в Стамбул (в османских документах *büyük elçi*), чтобы представить своё письмо султану с просьбой через послов об издании *`ahdnāme* (договора) в соответствии с документом (*temessük*).

Подтвердив получение прошения, султан дал указание о создании и нумерации условий *`ahdname* (подписанного договора), которые были заключены в Крыму, а также несколько других добавочных пожеланий, запрошенных послами. *`Ahdname* завершился официальной клятвой (*`ahd* – клятва) султана и такими словами: «Пусть условия этого мирного договора, а также эта клятва и амнистия (*`ahd ve amān*) будут установлены прочно, чтобы все подданные страны (России) пребывали в мире и благополучии»

В этой процедуре необходимо отметить следующие пункты:

1. Русские послы вели переговоры и заключили *mün`akid* – условия (положения) сначала с ханом Крыма. Но документ всё ещё не являлся *`ahdnāme*, или договором. Это был просто *temessük*, или удостоверяющий документ.

2. После завершения ханом переговоров, правительство султана приняло окончательное решение по условиям договора с царскими послами в Стамбуле и согласилось включить несколько дополнительных положений.

3. Вся процедура создаёт впечатление, что султан не был напрямую вовлечён в переговоры о мире, а только поддержал пожелания хана и Великому визирю о соглашении и одобрил его «во имя божьих существ».

4. Ни установленные процедуры, ни окончательный договор не подразумевают двустороннее соглашение, заключённое после прямых переговоров, но скорее только означают одностороннюю клятву со стороны султана. Это называется *axdname* (*`ahdnāme*), или документ, утверждённый в одностороннем порядке клятвой султана или, в соответствии с исламским законодательством «дарование (признание) амнистии» (*amān*), подтверждённое «торжественной клятвой» (*`ahd*). Исламское законодательство требует, чтобы договоры, заключённые с неверующими, составлялись на этой основе [99]. Крымский хан тоже называл соглашения, составленные с Московией и другими христианскими народами *`ahdnāme* и следовал тем же правилам. *`Ahdnāme* особо подчёркивает, что люди, отправляемые царём для переговоров и заключения договора, были *mu`teber büyük elçi*. Послам полагалось иметь высокие титулы и иметь тот же самый статус, как титул *beg* (военный командир) в Османской империи. Ранг посла всегда был вопросом заботы хана, так же как и двора султана [100].

В *`ahdnāme* (в договоре), заключённом в 1681 году между крымским

ханом Мурад Гераем I (1678–1683 гг.) и царём Фёдором III Алексеевичем (1676–1682 гг.), была использована следующая титулатура:

Tengri tabārek ve ta'alamıñ rahmı ve ināyeti milan Uluğ-Orda Uiuğ- Yurtıñ ve Takht-i Kırımıñ ve Deşt-i Kıpçakıñ

ve Sansız Köp Tatarıñ v e Sağışsız Noğayıñ Öñ Kolıñ ve Sol Kolıñ ve Sanı Yok Tumannıñ ve Tat Milan Tavğaçıñ ve Tağ-ara Çergaçıñ Pādişāhı ve Khan-i 'ali-şanı bolğan devİetllü v e' izzetlü ve Kudretlü ve şedjā`atlu ve fırşatlu Men Murad Giray Khan abbadallāhu ta`ālā davlatahu ilā yavm il-mizān Hadretlerimizden, djümle Uluğ ve Küçük ve Ak (Urusnuñ Pādişahı Çarı Maşrık ve Mağrib ortasında bolğan Köp Khiristiyān tā' ifesiniñ penahı Hükümdarı karındaşımız Uluğ Beg Fodor Aleksiyeviç Hadretlerine...

Здесь титул “*Penāh*” (Спаситель, защитник, покровитель многих христианских народов, живущих между Востоком и Западом) используется вместо “*Penāh of all Rus*” (Защитник, покровитель всех русских) и признаёт суверенитет царя над большей территорией, хотя ограничивает её между Востоком и Западом. Крымское ханство и Османское государство были осторожны в выборе титула, который может обозначить суверенитет царя по отношению христиан на территории Польши. Но с подписанием этого договора управление Москвы украинскими землями на левом берегу Днепра было признано официально. Конечно, христианские народы на «востоке» всегда были под суверенитетом и протекцией османского султана.

Farmān-farmā

Абсолютный монарх

(буквально «тот, кто отдаёт приказы»)

В окончательной версии договора от 1681 года между османским султаном и русским царём в отношении царя была использована следующая титулатура:

Iftikhāru' l' Umerā' il-`izam il- Isaviyya Mukhtāru'l-Kuberā il-fikhāmfil' l-Millet-il Mesīhiyye muslihu mesālih-I djemāhir

It-tā`ifet in-Nasrāniyye Sāhibu adhyāl' il - haşmetve' l -vakār Sāhibu dalā' il il-madjd ve' l-iftikhār Moscov vilāyetiniñ Çarı ve ana tābi` olan Rus memleketleriniñ Farmān-farmā ve Hükümdarı Sudurus Aleksiyeviç khutimat 'avākibuhu bi'l-khayr...

Первая часть (*iftikhāru...ve`l-iftikhār*) – это древний османский почётный титул, используемый в отношении каждого христианского правителя. В следующей части титул *Farmān-farmā* является новшеством [101]. Этот

титул был незнаком османской титулатуре, буквально означает «тот, кто отдаёт приказы» или абсолютный монарх; он, должно быть, соответствовал русскому титулу *самодержец* или *автократ*.

Изначально титул *автократ*, по-гречески означающий *император* [102], был одним из наиболее важных компонентов римской и византийской имперской титулатуры. Марк Шефтель, который проверил это по русским документам, отмечает, что его использование впервые получило применение в 1492 году церковью относительно Ивана III. Он притязал на византийскую родословную, к которой русская православная церковь была ревностно привязана. Означая «суверенный монарх, получивший власть прямо от Бога, а не делегированный от какого-либо правителя», использование титула в международных отношениях, очевидно, было нацелено на полную независимость от притязания Чингисидов на сюзеренитет.

Царь использовал его официально в международной корреспонденции не только после 1591 года. Марк Шефтель [104] считает: его постоянное и всеобщее использование приходится приблизительно к 1654 году, когда левый берег Украины был присоединён к Москве.

Точка поворота. Договор в Стамбуле, 1700 год.

Вся модель взаимоотношений между Россией, Османской империей и Крымом подверглась кардинальным изменениям в период 1684–1700 годы [105]. Чтобы не допустить присоединения Москвы к Святой Лиге в Европе, Османское государство и хан отправили своих послов, и пошли на уступки России. В письме, выражая сотрудничество в военное время, Селим Герай возобновил мирный договор 1681 года и обещал сурово наказывать татар, которые будут действовать против положений договора. Титулы, используемые в отношении царя, стали значительно более расширенными, чем когда-либо ранее [106]. Но, с другой стороны, под давлением Австрии Польша окончательно уступила требованиям Москвы. Таким образом, договор в Андрусово от 1667 года был ратифицирован, официально оставляя России Левобережную Украину и Смоленск. Это был огромный дипломатический успех России. Парадоксально, но Польше суждено было стать первой пострадавшей страной после вхождения России в антиосманский альянс. В 1686 году царь решил присоединиться к Святой Лиге, сформировав широкий фронт с другими европейскими силами против Крыма и Османской империи. Сотрудничество между двумя последними, таким образом, стало вопросом выживания. При Селим Герае I, полностью осознающем серьёзность создавшегося положения, крымская армия не только приняла на себя полную ответственность за польские и русские фронты, но и играла значительную роль в Венгрии и на Балканах.

Первая попытка русских вторгнуться в Крым в 1687 году окончилась

полным провалом, в основном вследствие логистических проблем, связанных с трудностями снабжения большой армии в южной степи. В 1689 году крымцы сумели остановить сильную русскую армию, состоящую из 162 000 человек и 350 пушек, укрывшись за фортификациями Ор-капы в устье Перекопа. И в этот раз русская армия пострадала от недостатка провизии, и ей пришлось вновь отступить.

Пётр Великий осадил Азак (Азов) в 1695 году и ещё раз уже в 1696 году. Он захватил крепость только во втором походе, посеяв панику в Крыму и Стамбуле. Позднее, в 1700 году, русский посол отправился напрямую из Азова в Стамбул для мирных переговоров. Он отправился на русском корабле, не останавливаясь в Крыму. Самым большим последствием войны 1686–1699 годов было то, что Россия стала мощной европейской державой, в то время как Османская империя, Крымское ханство и Польша пострадали от крутого изменения баланса сил в пользу своего векового неприятеля. Россия стала доминирующей силой в Восточной Европе. Сам Крым и османские владения на Чёрном море стали уязвимы перед угрозой вторжения России. С этим изменением в державных силовых отношениях с символами суверенности и дипломатическими формальностями относительно старой зависимости Москвы от татар было покончено. Заключённый в августе 1700 г. в Стамбуле мирный договор между Османской империей и Россией [107] завершил вековой порядок отношений между Россией и Крымским ханством и обозначил новую эру в османско-крымских отношениях. Когда было признано полное равенство между султаном и царём, крымский хан был отстранён от роли медиатора в османско-русских отношениях. До заключения договора хан требовал получения одинакового, или даже более высокого статуса, чем у царя, и он был успешен в исполнении роли посредника между Россией и османским султаном – калифом. По условиям нового договора, султан дал клятву, что османские командиры на фронтах, а также и сам крымский хан и его поданные, «будучи в подчинении Османской Порты», будут хранить мир и не будут нападать на русские территории, крепости и города, не будут захватывать людей или скот. Пункт 5 гласит:

Поскольку Русская империя есть суверенное, независимое государство, царь и его преемники более не обязаны платить дань (vergi), которая оплачивалась крымскому хану и Крыму по настоящее время. Ни крымский хан, ни его подданные, крымцы и татары, не должны возобновлять враждебные действия под предлогом оплаты долга или любого иного предлога, они должны уважать мир.

Пункты 14–15 гарантируют русским послам и представителям (*Büyük elçi ve karîi ketkhüdâ* – великим послам и официальным лицам), как и послам любых иных дружественных стран, свободное и безопасное продвижение

по суше до Стамбула. «А также стороны не должны пренебрегать использованием во всех письмах и официальных документах титулов, надлежащих правителю» (статья 14).

Inscriptio, используемый царём в османско-русском договоре от 1700 года, включает окончательную версию титулатуры, применяемой османской канцелярией в отношении русских правителей. Она гласит:

*Iftikhāru Umera' -il- 'izām il- 'lsaviyya Mukhtāru Kuberā'
il -fikhām il - Mesihīyya muslihu maşalih-i djamhır it-Tāi 'fat
in-Naşrāniyye Sahibu adhyāl' il- haşmet v'el-vakār Sahibu
dalā' il al-madjd v'el-i' tibar Moskov vilāyetleriniñ Çarı ve
djümle Rüsüñ ve ana tābi' nice yerleriñ Fermān-fermā ve
Hükümdān Petrus Aleksiyovicius.*

В данной формулировке нет новизны в использовании царской титулатуры. Однако царь Пётр I (1682–1725 гг.) настоял на обязательном использовании этой формулировки для крымского хана и Османской империи. Теперь инициатива действия принадлежала Москве.

Приложение

Заметки относительно дани, которую платили татарам

Дань, получаемая татарскими государствами от соседних государств, составляла существенную часть общего дохода татарской правящей элиты. Крымцы получали дань от московских, польских, молдавских и черкесских беков в общей сумме, достигающей около 100 000 золотых в год. Дань принималась в наличных деньгах, мехах, прекрасных шерстяных тканях, или, как в случае с черкесами, рабами.

Относительно дани, оплачиваемой при ханах Золотой Орды, смотрите Б. Шпулер (B. Spuler), *цит. соч.*: 332-42; Б. Греков и Якубовский (B. Grekov and Yakubovsky), *цит. соч.*: 210–20; М. Рублёв, “The Mongol tribute according to the wills and agreements of the Russian princes” («Дань, оплачиваемая монголам согласно собственной воле и соглашению русских князей»), в М. Чернявский, ed., “*The Structure of Russian History*” («Структура российской истории») (New York: Random House, 1970): 29–64; G. Vernadsky, (“*The Mongols and Russia*”) («Монголы и Россия») (New Haven: Yale University Press, 1953); 214–32. С конца XIII века вся сумма податей собиралась русскими князьями полностью и передавалась хану. Этот налог назывался «выход», то есть [дань], выходящая [из страны]. Вернадский предположил, что он был связан с *хараджем* (*kharādj*), исламским налогом, который изымался с немусульман. Точно так же дань, выплачиваемая русским правителем крымскому хану, интерпретируется как соответствовавшее исламскому *djizya* или *kharādj* (смотрите М. Ridā, *Al sab` al-sayyār*: 166).

Однако следующее предложение весьма интересно с точки зрения объяснения слова «выход» (по-турецки *çıkış*) и его «доставки» или «прибытия» (*tigmek* или в современном турецком *değmek*): “*birgil hazinege bakar illerniñ çikişlariñ çikarip bargan ilçilerge birgil hazinege tigürünler*”. (В ярлыке Тохтамыш-хана, датируемом 1393 г., А. Н. Курат, ed., *цит. соч.*: 148). Таким образом, *тийуу* (*tiyiş*) может действительно быть производным от *tig-* (см. А. Самойлович, “Tijis...”, *Известия Российской Академии Наук*, сер. 6 (1917): 1277–78; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство...* (Санкт-Петербург: 1887) I: 427–32). Но это также может иметь турецкую фольклорную этимологию монгольского слова *dau`usi* или *togos*, которое используется в значении подарков, ежегодно посылаемых крымскому хану (смотрите *Secret History of Mongols – Секретная история монголов*, турецкий перевод А. Темира (А. Temir) (Анкара, 1948): 195). Претендуя на законное наследие Золотой Орды, крымские ханы пытались восстановить и продолжить тенденцию оплаты Россией дани монголам, московские же правители рассматривали крымских ханов как равных им. Крымцы заявляли, что Мохаммед Герай возложил «дань» на Москву в 1521 году и Девлет Герай-хан возобновил её в 1571 году, когда он осадил Москву. Крымцы интерпретировали плату как соответствующую исламскому *djizya*, таким образом, отражая установление сюзеренитета над Московией (*Halim Giray, Gülbün-i Khānān* (Istanbul, 1871): 21 и M. Ridā, *цит. соч.*: 99, 166).

Настоящая дань платилась крымцам определёнными русскими городами, такими, например, как Одоев. Когда такие города входили под правление московского монарха, крымцы требовали от него продолжения оплаты (см. выше п. 20).

Османь использовали слова *armağan*, *yādigār*, *hedāyā*, *vergi*, *kesim* и особенно слово *pişkeş*, обозначая поставки, которые имели признаки *дани* (периодическая оплата при официальном договоре), но который не подразумевал действительное подчинение или зависимость для государства «данника» (см. соглашение, заключённое с Габсбургами: Feridün, *цит. соч.*, II: 327, 337, и крымские документы: *МІКК*); из ранних договоров с Габсбургами стало очевидным, что сумма в 30 000 золотых «должна была быть заплачена за земли Венгрии, которые остались в правлении Габсбургов». Это называлось *кесим* или *верги* (*kesim* или *vergi*) (см. А. Schaendlinger, *цит. соч.*: п.23). Мир в основном зависел от оплаты суммы, которая была «гарантирована договором» (“*ma`hüd olan*”) (см. там же: по. 32). *Кесим* (*Kesim*) – был османский финансовый термин, означавший паушальную сумму (единовременная плата), которая должна была быть оплачена как налоговое обложение; *верги* (*vergi*) уже в XVI веке означал налог (cf. G. Bayerle, *art. cit.*: 53). Позднее были использованы более нейтральные слова, такие как *армаган* (*armağan*) или *пишкеш* (*pişkeş*). *Армаган* означал просто по-

дарок, но *пишкеш* имел более специфическое значение: это был *подарок*, который подчинённое лицо обычно преподносило султану во время получения какого-либо гранта или привилегии (патриарх ортодоксальной церкви платил определённую сумму в казну султана во время введения в должность; эта оплата тоже называлась *pişkeş*; в отношении понятия *пишкеш* (*pişkeş*) смотрите Халил Инальджик, “*Ottoman archival materials on Millets*” «Османские архивные материалы о миллетах», “*Christians and Jews in the Ottoman Empire*” «Христиане и иудеи в Османской империи», В. Lewis, В. Braude, eds. (New York-London, 1982), I: 448–49).

Османские ежегодные оплаты, совершаемые при формальных договорах крымского хана с Польшей, также называли *пишкеш* или *верги* (*pişkeş* or *vergi*) (Feridün, *цит. соч.*, II: 419–22, 436). Следующая запись, оставленная османским летописцем Abdülkâdir (Târih-i Âl-i `Oşmân, MS, Vienna, Staatsbibliothek, O. 1053, 456b), интересна с точки зрения того, как Османские интерпретировали *пишкеш*: «Московский правитель обычно подчёркивал свою (зависимость, подчинённость) (*bendigi*), посылая в Султанскую Порту послов с подарками или *пишкеш*». На самом деле крымцы и Османские относились к московскому правителю как к подчинённому османского падишаха (сноска 72). Несостоятельность в оплате *дани* расценивалась крымцами как «мятеж, бунт» или *casus belli*, как это рассматривалось исламским законодательством. С другой стороны, христианские правители считали данную оплату выкупом с целью предотвращения вторжений и набегов со стороны крымцев (см. В. Е. Сыроечковский, *art. cit.*: 45). Отказываясь признавать, что это была дань, московское правительство предпочитало называть это «*подарок*» (*potinki* – по-русски, *bölek* или *yarlikaş* – по-турецки) см. МИКК: п. 117). Крымские ханы всегда относились к этому как к “*uluğ khazine*”, что буквально означает «*великое сокровище, казна*». Фактически, мощь москвитян росла, и набеги крымцев стали всё более затруднительными, крымцы сами стали принимать интерпретацию москвитян, пока дань не была полностью упразднена договором 1700 года. В крымскотатарском языке (*Crimean Turkish*) было много терминов, обозначающих *дань* или *подарки*, посылаемые крымскому хану и его семье, его чиновникам и бекам. Из всех этих терминов основными были *uluğ khazine*, *nokrat akçası*, *koltka*, *tiyiş* и *bölek* (*улуğ хазине, нократ акчаси, колтка, тийиш и болек*).

Улуğ хазине (*Uluğ khazine*) должен был оплачиваться лично хану, и даже *тийиш* (*tiyiş*) был на самом деле обязательной оплатой. В 1635 году хан писал: «Если ты хочешь оставаться в дружбе со мной, Великим падишахом, до конца дней наших, ты должен посылать все тийиш (*tiyiş*), перечисленные в дефтере (*defter* – реестр) полностью» (смотрите МИКК; п. 31).

В 1592 году Гази Герай-хан информировал короля Польши, что «он не принял предложение Москвы о *bölek khazine* и ежегодную оплату в три

миллиона *nokrat akçası*, обещанных ему, чтобы хан [would give up] больше не предпринимал нападений на Москву» (ММКК; п. 5; *nokrat* (*nokrat*) была русская серебряная монета в использовании у татар). Данный документ предполагает, что уже к этому времени крымский хан согласился на трактовку *хазине* как *болек*, то есть как «подарок». Однако хан пояснил, что если *улуğ хазине* не прибудет во время и в полном размере, состояние враждебности между двумя странами будет продолжаться. Сдвиг, по сути, от понятия *дань* к понятию *подарок* указывал на изменения в реальных державных силовых взаимоотношениях между двумя сторонами. Тем не менее тенденция Крыма увеличить *bölek* и *tiyiş* под угрозой набегов и сопротивление, оказываемое Москвой, часто создавали напряжённость в отношениях. В 1678 году царь, посылая недостающие предметы из реестра, сказал: «[Я] посылаю [моему] брату *подарки* *болек*, *ярлыкаш* (*bölek, yarlıkaş*)». Но в то же самое время он добавил, что *казна* (*uluğ khazîne*) будет отправляться ежегодно регулярно (ММКК: п. 117). В XVII веке вопрос о дате и месте поставки, качестве мехов часто приводил к обмену дипломатическими нотами. Хан обычно принимал изменения, предлагаемые Россией по таким вопросам. В 1647 году было составлено особое соглашение (ММКК: п. 112) относительно *uluğ khazîne* и *tiyiş* и условий их поставки. С тех пор хан согласился не вносить изменений. По прибытии *khazîne* (*казны*), как положено важному государственному событию, она раскладывалась и проверялась в зале совета в присутствии беков и знати (высокопоставленных чиновников).

Что касается термина *верги* в договоре с царём Николаем Фёдоровичем, Джанибек Герай-хан (1610–1623 гг.) поставил условие, которое гласило: «Царь в качестве *верги* будет посылать хану, всем ага и бекам 10 000 сом серебром, много *болек* и *колтка*, как и во времена Гази Герай хана» (ММКК: п. 304). Слово *верги* (ранее также используемое в 1640 году, ММКК: п. 53) буквально означало «что-нибудь отдаваемое», как, например, подарок или налог. Со временем в Турции оно приобрело в основном значение налога. Слова *yarlıgamiş* (дарованное) или *soyurğal* (дотация, субсидия) использовались вместе с *тийиш* (*tiyiş*) (ММКК: nos. 85, 106), однако не остаётся сомнения, что *тийиш* носил характер подарка.

После прочтения крымско-московской переписки, становится очевидным, что *uluğ khazîne* и *nokrat akçası* имели одинаковое значение *дани*, которая не оспаривалась обеими сторонами. С другой стороны, *колтка*, *болек* и *тийиш* варьировали в зависимости от обстоятельств и количества реципиентов. Именно эта последняя категория часто давала повод для возникновения диспутов.

Обычный *defter* (реестр) перечислял *улуğ хазине* и *нократ акчасı*, предназначенные для хана, калги и нураддина; *колтка*, предназначенный для ханской челяди, и *тийиш* для знати во дворцах и правительстве.

Колтка состоял из подарков для непосредственного домашнего круга хана (*koluş-kolka*, или подарки, отмеченные в ярлыке Хаджи Герая (*Khādjji Giray's yarliġ*) от 1453 г.: А. N. Kurat. *цит. соч.*: 66, line 38; в отношении турецкого слова *koltka* или *kolka*, подарок, смотрите G. Glauson, *An etymological dictionary of pre-thirteenth century Turkish* (Этимологический словарь турецкого языка до тринадцатого века) (Oxford, 1972): 616.) *Болек* был фактически совершенно необычный подарок, затребованный ханом (например, запрос Бахадыр Герай-хана в 300 *mithkal* жемчуга и нитки жемчугов в 1637 году, *МИКК*: п. 35). Существовал также обычай посылать подарки, поздравляя с победой или с провозглашением на престол нового хана, под названием *мубарек-бад* (*tubārek-bād*) (*МИКК*: п. 252).

Согласно крымским документам (см. *МИКК*: nos, 29, 31, 34, 114, 117, 121), *Uluġ Khazîne* включал меха, прекрасные ткани из шерсти и 4000 *som* серебра. В то время как *калга* и *нураддин*, разделяя суверенные права с ханом, получали *хазине*, который соответственно составлял 500 или 200 *som* серебра; знать и беки получали только *тийиши* – подарки (иногда ханский визирь получал 100 *som* серебра: смотрите *МИКК*: п.105). М. Рублёв (*art. cit.*: 31–35) подсчитал, что сумма русского *выхода* (*vykhod*) составляла 5–7 тысяч рублей в течение XV столетия, а затем пошла на спад до одной тысячи в 1481 году. Однако московская «дань», состоящая из длинного списка *хазине*, *колтка*, *болек* и *тийиши*, действительно достигала внушительной суммы. Она была оценена в 25 064 рублей (А. А. Новосельский, *цит.соч.*: 316) в середине XVII века. В 1594 Гази Герай-хан потребовал до 30 000 рублей как условие восстановления мира с Москвой (*там же*: часть I, п. 118). Король Польши платил крымскому хану ежегодно *хазине* (*МИКК*: п.53, датируемый 1640 г.) в 15 000 наличных золотом и товаров стоимостью в 15 000 золотых монет. Но к 1668 году *хазине* в целом достигал 22 000 монет золотом (Feridün, *цит. соч.*, II: 422).

Примечания

56. О нападениях казаков в последние декады шестнадцатого столетия смотрите А. Беннигсен, М. Бериндеи (А. Bennigsen, M.Berindei), *art.cit.*: 87, п. 36; об их грабежах на османских побережьях важны труды Эвлия Челеби, *Сейахатнаме* (*Seyāhatnāte – Книга путешествий*), VII (Стамбул, 1928); Алана Фишера, «Османский Крым...» (“The Ottoman Crimea...”), *Гарвардские Украинские Исследования* (*Harvard Ukrainian Studies*), III–IV, часть I: 215–26; А. А. Новосельского, *цит. соч.*, глава VI (Донские казаки): Н. М. Senā`i, *Islām Giray Khan tārikhi* (*Historia Islam Gereja III*) (*История Ислама Герая III*), ed. Z. Abrahamowicz (Варшава, 1971 г.); Z. Wōjciċ, “The early period of Pavlo Teterja’s hetmancy in the right- bank Ukraine” (1661–

1663) («Ранний период гетманства Павло Тетержи на Правобережной Украине») (1661–1663 гг.), *Гарвардские Украинские Исследования, III–IV: 958–72*; «Ислам Герай III», в *Энциклопедии Ислама, IV: 178*; О. Pritsak “*Das erste türkisch-ukrainische Bündnis (1648)*”, О. Прицак «Турецко-украинский союз (1648)». *Oriens (Восток)*, VI, 2 (1953): 266–98; договором в Зуравно (Zuravno) в 1676 г. было предусмотрено, что «страна Украина в своих прежних границах будет возвращена казацкому народу, который является зависимым от нашей [Османской] империи, и, начиная с нынешнего времени, никаких интервенций со стороны Польши не должно совершаться» (Турецкий текст у Феридуна, *Munsha`āt al-salatin* (Стамбул, 1265/1845): 422; а также смотрите В. Остапчук “The publication of documents on the Crimean Khanate...” («Публикация документов о Крымском ханстве...»), *Гарвардские Украинские исследования, IV, 4* (1982): 514–22.

57. Финдиклили Мехмед-ага (У Возгрин В. Е. – Фундуклулу Мехмед. – Прим. пер.) (Findiklil Mehmed Ağa), *Silāhdār tārīkhī* (*История Османской империи о военных действиях страны, написанная сияхдаром, жившим при дворце. – Прим. пер.*), под ред. А. Refik (Стамбул, 1928), 1: 676–723.

58. Свод Законов о государственном устройстве Мехмеда Завоевателя содержит титулы (*elkāb*) для сановников (*Приложение к ТОЕМ – Tarih-i Osmani Encümeni Mecmuası*) (Согласно Энциклопедии Ислама, общество, созданное в 1909 году с целью исследования истории Османов. – Прим. пер.) (Стамбул, 1330/1914): 30–32), включая и титулы для иностранных правителей, перечислены в *Феридун (Feridün)*, *Munsha`āt al-salatin* (Стамбул, 1274/1858) I: 2–13; в отношении опубликованной библиографии копий писем от османских султанов к иностранным правителям смотрите Рейхман (J. Reychman), А. Зайачковский (A. Zajaczkowski), *Handbook of Ottoman–Turkish diplomatics* (*Справочник османско-турецкой дипломатии*) (Гаага–Париж: Mouton, 1968): 13–103; V. Stojanow, *Die Entstehung und Entwicklung der osmanisch-türkischen Paläographie und Diplomatic* (Berlin: Klaus Schwarz, 1983): 198–312; Josef Matuz, *Das Kanzleiwesen Sultan Süleymans des Prächtigen* (Wiebaden, 1974) (*В. Стоянов. Возникновение и развитие османско-турецкой палеографии и дипломатии* [Берлин: Клаус Шварц. 1983] 198–312; Джозеф Матуз, Канцелярские дела султана Сулеймана Великолепного (Висбаден, 1974).

59. В качестве примеров смотрите Anton Schaendlinjer, *Die Schreiben Süleymāns des Prächtigen an Karl V., Ferdinand und Maximilian II aus dem Haus-, Hof- und Staatsarchiv zu Wien* (Vienna, 1983) (Антон С. Шаендлингер, письмо Сулеймана Великолепного Карлу V., Фердинанду и Максимилиану II из Дворцового архива в Вену (Vienna, 1983), и особенно факсимиле, nos. 2–5, 10–18; а также Л. Фекете (L. Fekete), *Einführung in die osmanisch-türkische Diplomatie der türkischen Botmässigkeit in Ungarn* (Budapest, 1926):

nos. 2, 5, 6, 13 (Л. Фекете, Введение в османско-тюркскую дипломатию ту-рецкого господства в Венгрии, Будапешт, 1926).

60. Уже в 1541 году было «Французский падишах... король Карло» (“*Franca Pādisāhi... Karlo Kral*”) (там же, no. 2) *Medjmü`a-i tu`āhedāt* (Стамбул, 1294/1887) I: 5; “*Vilāyet-i Franca Pādişāhi* (от 1673 года); о титулах, используемых в отношении венецианских дождей, см. Т. Гёкбилгин (Т. Gökbiğın), “*Venedik Devlet Arşivindeki Türkçe Belgeler...*” «Турецкие документы из Венецианского Государственного Архива», *Belgeler (Документы)*, V–VIII (1968–1971): 17, 33, 38, 54, 56, 61; французский король всегда считался как «король, имеющий превосходство и приоритет над всеми остальными королями христианства» (Письмо французского посла Ноинтеля (Nointel) в коллекции писем, Ms. Bibliothéque Nationale (Национальная библиотека), Приложение, тур., no. 383, 64a). Царь считался (именовался) *королём* даже в том случае, если использовался титул *Çar*. (См. Финкикили Мехмед-ага, *цит. соч.*, I: 752).

61. В 1534 г. было принято обращение “*Vilāyet-i Nemçe Krali*” в отношении Фердинанда I и “*Ispanya vilāyetinin Krali*” в отношении Чарльза V (Антон Шаендлингер – А. Schaendlinger, *цит. соч.*, nos. 1, 6); но в 1559 году было принято обращение “*Hristiyan Krallarının ve Dukalarının ve Beglerinin Imperatoru olan iftikhāru [...] Ferendoş Kral*” (там же, no. 23); о более полной передаче официальных титулов Фердинанда I в 1562 году см. (там же, no. 25); в 1545 году было обращение “*Romanların ve ana tābi` olanların Krali olan Ferendoş*” (Феридун, *цит. соч.*, II: 339); и в первый раз в 1563 году “*Nemçe ve ana tābi` vilāyetlerin Imperatoru Ferendoş*”: А. Шаендлингер (А. Schaendlinger), *цит. соч.*, no. 28 (Фердинанд был избран императором Святой Римской Церкви в 1556 году); но в 1564 году “*Nemçe ve Alaman Krali Imperator Maximilyanus*” (там же, no. 31) и затем в 1565 году был исправлен на “*Alaman vilāyetlerin Imperatoru ve Çeh ve Isloven ve Hirvat ve sā`ir nidie vilāyetlerin Krali* (там же, no. 32) или же просто “*Beç Imperatoru*” (там же, no. 33). Кажется, что титул *падишах* как эквивалент титулу *император* в отношении него никогда не использовался. Титул *падишах* использовался в отношении короля Франции, см. примечание 60. В мирном договоре между султаном и императором от 1606 года пункт 2 гласит: «Что они оба, письменно и в устной речи, должны обращаться друг к другу *император*, а не *король*». (Теперь смотрите G. Bayerle, “The compromise at Zsitvatorok” («Компромисс при Зитватороке»), *Archivum ottomanicum (Османский Архив)*, VI (1980: 18); иными словами, равенство в статусе было признано османским падишахом, и одновременно была признана эквивалентность статусов *падишах* и *император*. В последствии был принято общее использование титула *Nemçe Imperatoru (Император Германии)*. (См. Феридун, *цит. соч.*, II: 317–20); однако в письмах к императору ударе-

ние всё ещё делалось на тот факт, что *падишах* владел Константинополем (Konstantiniyye), который «был местом пребывания Кайзеров» (там же: 32). Мехмед Завоеватель и его преемники претендовали на то, что они являются единственными наследниками римского императора, см. “Mehmed II”, в *Энциклопедии Ислама (Islām Ansiklopedisi)*, VII: 513; о списке писем и декретов Сулеймана Великого см. J. Matuz, *Herrscherurkunden des Osmanen sultans Süleyman des Prächtigen* (Freiburg: Klaus Schwarz, 1971). (Дж. Матуз, Грамоты властителя султана Сулеймана в Копенгагене (Фрайбург: Клаус Шварц, 1971).

62. *Цит. соч.*: 312; фактически, царь автократ, cf. *там же*; 325–326, см. п. 100.

63. Х. Инальджик, «Происхождение...» (The origin...) *art. cit.*: 102, doc., 2.

64. Феридун, *цит. соч. II* (Первое издание, Стамбул, 1265/1845): 12–56; ссылка на родословную Крымских ханов от Чингисидов сделана в (“*zubda-i Gjengizkhani*”: *там же*, II, 45), но так как крымский хан был назначенцем османского падишаха, ему давали имперский *berāt* (диплом) на своё назначение (например, смотрите *там же*: 42), где оплата его труда (*sāliyāne*) тоже была обозначена. Его подчинённость султану передавалась такими словами, как *dikme* или *tikme* (назначенный, введённый в должность), *banda* или *kul*, или в лучшем случае *Āsitāne-i sa`ādetimizin khayr-khāni* (или *mukhlīṣi-dobroжелатель, друг нашей Порты*). Интересно, что османская канцелярия придерживалась слова *tikme*, которое было впервые использовано Менгли Герай-ханом в 1475 году, см. Халил Инальджик “*Kirim Hanlığınin...*” 208; султан писал царю о хане: «Мурад Герай-хан является преданным и верным слугой нашего государства» (Феридун, *цит. соч.*, II: 310, датированное 1682 годом). Мехмед II оговаривал в своём Своде Законов (*Приложение к ТОЕМ*), что титул *ukhüvet-mā`āb* (брат) будет использоваться относительно тех султанов, имена которых будут отмечены на монетах и на *хутбе*, в то время, как только *emāret-mā`āb* для тех, кто является наследственными эмирами, без *sikke* и *khutba*; крымский хан имел свой собственный *sikke* и *khutba*, но тем не менее его титул был *emāret-mā`āb*.

65. Феридун, *цит. соч.*, I: 6.

66. *Там же*: 4–7.

67. О письмах и договорах, содержащих ханский титул, основным источником является выше упомянутый *МИКК*, п. 4. Подлинную крымскую формулу *intitulatio* и *salutatatio* см. в ярлыке *Khādjdji Giray's* от 1453 года у Курата, *Yarlik ve bitikler* (Стамбул, 1949: 6), она была расширена и видоизменена в результате добавления османской титулатуры. Крымская титулатура в основном состояла из титулов *Uluğ Orda ve Uluğ Yurtñiñ ve Takht-i Kırımñiñ ve Deşt-i Kırçakñiñ Uluğ Khanı* (*Великий хан великой орды, великого юрта, престола Крыма и Дешт-и Кыпчака*) по всему Крымскому хан-

ству. В то время как страны перечислялись в первой части формулировки, племена и люди упоминались во второй части (“*Saṅsiz djümle Tatarniñ ve Sağıssız Köp Noğayniñ ve Tağ ara Çerkesniñ ve Tat bile Tavğacniñ*”) (Бесконечное количество татар, бесчисленное множество ногаев, и горных черкесов и татов с тавгачами). Иногда также использовалась древняя тюркско-монгольская формула “*On kolniñ Sol kolniñ*”, именующая племена, расположенные с правой стороны и с левой стороны. (см. *МИКК*, по. 3, от 1591 года и 17 от 1630 года). Наиболее важным заимствованием из османского турецкого было слово *падишах* (*Pādişāh*), часто в форме *Великий падишах* (*Uluğ Pādişāh*). В крымском использовании оно явно идентифицировалось как *Великий хан или Император*; о крымском использовании слова *халиф* (*Khalife*) (*Caliph*) см. ниже. Типично османско-исламские титулы *султан* (*Sultān*) и *гази* (*Gāzi*) были тоже заимствованы (см. А. Баттал, “*Sahib Giray Han yarıǵı*”, *Türkiyat Mecmuası*, I (1926): 75–101).

Османские титулы этикета, такие как османско-турецкие *devletlü, şevketlü, `adāletlü, mahābetlü, sahāvetlü, şedjā, `atlü*, все относящиеся к королевским регалиям (например, см. *МИКК*, по. 104), были тоже привнесены в крымскую титулатуру; титулы крымских ханов в письмах, обращённых к королям Дании в период 1654–1682 гг., содержат подлинный материал, см. п. 70.

68. О титулах см. «*Падишах*» (“*Padişāhi*”) (Халил Инальджика), в *Энциклопедии Ислама*, IX: 491–495; а также см. выше п. 60–67; очевидно, со временем титул размылся в своём значении. Для османского султана появился ещё более возвышенный титул *Pādişāh-i `alempenāh*, то есть Падишах – Спаситель мира или Император Эйкумены, вошёл в использование в 1477 году, Ахмед-хан обращался к Мехмеду Завоевателю *Khudāvendigār-I Azam* (см. *Bulleten*.II: 247).

69. См. документ в *МИКК*: п. I.

70. Письма крымских ханов к русским и польским правителям можно найти в *МИКК*; к польским королям у З. Абрахамович (*Z. Abrahamowicz*), “*Dokumenty tatarskie i tureckie w zbiorach polskich*,” *Przegląd orientalistyczny*, 10 (1954): 141–148; анализ дипломатических характеристик крымских писем к принцам Трансильвании можно найти у Mary Ivanics, «Официальные и лингвистические особенности писем крымских татар в семнадцатом веке к принцам Трансильвании» (“*Formal and linguistic peculiarities of seventeenth century Crimean Tatar letters addressed to princes of Transylvania*”), “*Acta orientalia*” (Венгрия), XXIX, 2 (1975 г.): 213–224; о письмах, отправляемых королям Дании, см. J. Matuz, *Krimitatarische Urkunden im Reichsarchiv zu Kopenhagen* (Крымскотатарские грамоты в Государственном архиве Копенгагена) (Фрайбург, Клаус Шварц, 1976) (Freiburg: K. Schwarz, 1976); а также смотрите п. 67.

71. МІКК: по. 8; но уже в 1592 году Гази Герай-хан обращался к королю Польши “*Uluğ Khristiyan Pādişāhi*” («Великий падишах христианства»): МІКК: по. 5.

72. Османский падишах “*sizin dakhi efendiñüz uluğ Pādişāhımdır*” («Османский падишах, мой Великий падишах, и ваш Падишах тоже»): см. МІКК: по. 196: письма от Сефер Гази-ага к Великому беку Алексису Михайловичу (великому князю Алексею Михайловичу), пятница, (Djümada I, 1073/Dec. (Декабрь) 1662 г.).

73. МІКК: по. 71, от 1643 г.

74. МІКК: nos. 16, 240.

75. А. Беннигсен и др., *цит. соч.*, док. E 6691/9: 67–68.

76. См. МІКК: по. 20 от 1624 г. и по. 165 от 1654.

77. МІКК: по. 165: “*Khil `at-i khilāfeti dūş-ı hütmāyünuma giyürüp*”. Вслед за распадом Халифата Аббасидов багдадских мусульман, юристы постановили, что как приверженец Закона Ислама каждый султан имел право носить титул *халифа*. См. T. W. Arnold, *The caliphate (Халифат)* (Лондон, 1924 г.): 107–120.

78. Финдиклили Мехмед, *Silāhdār Tarihi* (Стамбул, 1928 г.) II: 340.

79. См. Феридун, *цит. соч.*, II: 310: “*Devlet-i `aliyyemiziñ `abd-i şadākatkāri ve bende-i kemine khidmetkāri*”; Письма Менгли Герая к султану у А. Беннигсена, *цит. соч.*: 69, 76, 92.

80. МІКК: по. 253; Финдиклили Мехмед-ага, *цит. соч.*, II: 27.

81. В своём письме к царю от 1631 года, Джанибек Герай-хан (МІКК: п. 18) предупредил, что, несмотря на древние правила, царь направил своего *Великого посла (Uluğ Elçi)* напрямую в османскую столицу без предварительного получения согласия хана. Он отметил, что такое нарушение традиции впервые произошло в 1023/1614 г. (МІКК: по. 21). Традиция требовала, чтобы Великий посол из Москвы сначала прибыл в Крым, а затем из Крыма отправился в Стамбул в сопровождении ханского дипломата. По обычным вопросам ханский *tilmaç* («переводчик») должен был прибыть в ханскую столицу; затем хан докладывал султану и посылал толмача, сопровождаемого его собственным эскортом. В своём письме, датированном от 1632 г. (МІКК: по. 24), он уточнил, что эта древняя традиция была одним из условий мирных отношений между двумя государствами.

82. См. МІКК: по. 72.

83. См. МІКК: по. 17, от 1630 г., о налогах см. Приложение.

84. МІКК: по. 84.

85. См. Приложение.

86. МІКК: по. 361: в более ранний период титулы московских правителей были гораздо проще; в 1624 году в письмах Мехмеда Герая III к Михаилу I титулы были таковыми: *Uluğ Urusniñ ve Purusniñ Köp Khristiyanñiñ Pādişāhi*

karındaşımız Uluğ Pâdişâh Khan hem Uluğ Beg Mıkhayla Federayovich djümle Urusnıñ Padişahi ve Kop yerlernıñ de bolsa Pñdişâhi ve Hükümdarı (MIKK: no. 8).

В своём письме к императору от 1562 года, Сулейман именуется завоевателем земель от Китая и до Магриба (Maghreb), см. Антон Шаендлингер (A. Schaendlinger), *цит. соч.*: no. 25; титулы Мехмеда III включали “*Khākān al-Maşrikayn ve `l- Mağribayn*”: см. Феридун, *цит. соч.*, I: 2.

87. MIKK: no. 119.

88. MIKK: no. 104.

89. Для сравнения смотрите крымские письма к королям Дании, опубликованные Дж. Матузом (J. Matuz), *Krimitatarische... (Крымскотатарские...)*. В общих чертах и построении эти письма имеют абсолютное сходство с обнаруженными письмами, которые направлялись к царю. Титулы хана аналогичные, что и в письмах, отправленных в Москву. Для правителя Дании был использован титул *Kral (Kiral)*. Однако как и в случае с царём, хан обращался к королю «*наш брат*». Османские и татарские традиции стилизованы в *тугре (tuğra)*. Тюрко-монгольское *Sözümüz* переплетено с имитированной османской *тугрой*. Однако, крымская *тугра* имеет только один открытый изгиб вместо двух закрытых изгибов в османской *тугре*. Некоторые из крымских *тугр (там же.*, факсимиле nos. 3, 6, 8, 10) были оформлены в форме пирамиды, наподобие *pençe (Pençe – отпечаток руки, вместо подписи. – Прим. пер.)* османских правителей. Но крымская *тугра* располагается в верхней части документа, как и в османской *тугре (там же: 62)*. Об этой русской имитации см. З. Абрахамовича (Z. Abrahamowicz) “*La tugra ottoman de l’empereur de Russie*” («Османская тугра императора России»), *Turcica*, VIII, 1: 231–45.

90. По мнению Л. Фекете (L. Fekete) (стр. xxxii), Османы внедрили это под влиянием Запада; османская формулировка гласит: “*Allāhiñ `ināyetiyle*”. Уже в ярлыке Мехмеда Завоевателя, датированной 1473 годом (*R. Arat, “Fatih Sultan Mehmed `in yarlıđı”, “Türkiyat Mecmuasi, VI (1936–1939): 298*), мы читаем: “*Allāhu ta`ālā `ināyetidin Sultan Mohammed sözüm*”.

91. MIKK: nos. 224, 375.

92. MIKK: no. 84.

93. MIKK: no. 63; мы это снова обнаруживаем в следующей формулировке: “*i`lām ve inhā`-i Khāni budur ki*” (MIKK: no. 361), или “*tavki`-i refi`-i Khāni oldur ki*” (MIKK: no. 90); иногда добавляется фраза “*buyurdum ki*” («Я приказал») (MIKK: no. 63); эти формулировки, очевидно, являются имитацией османской формулы приказов, используемых в имперских декретах (“*tavki`-i refi`-i hümtāyün vāsıl oludjak ta`lüm ola ki*”). Ярлык (*Yarlıđ*) в канцелярии Золотой Орды и Крыма означает приказ (см. A. Mostaert, F. W. Cleaves, *Les lettres de 1289 et 1305 des Ilkhans Aryun et Öljeitu a Philippe le Bel (Письма с 1289 по 1305 год от Ильханов Арюна и Олад-*

жейту-хаган к Филиппу ла Бель – королю Франции). (Cambrige: Harvard University Press) (Кембридж: Издательство Гарвардского университета), 1962): 91; А. Hasan, Birinci Mengili Han yarlığı, *Türkiyat Mecmuası* (Первый ярлык Менгли Герай-хана, *Журнал Тюркологии*) IV: 106; крымские ханы в своих письмах к московским правителям также использовали старую тюрко-монгольскую интитуляцию: “*Khan ibn ...khan Sözüümüz*”, в отношении *Sözüm* или *Sözümüz* смотрите в более ранних монгольских документах *Üge manı*, смотрите А. Mostaert, F. W. Cleaves, *цит. соч.*: 22–58. Это можно обнаружить в крымских письмах к московским правителям вплоть до конца семнадцатого века: см. *ММКК*: nos. 245, 252 и других; а также смотрите Л. Фекете. “Arbeiten... und die Frage der Formel “*sözümüz*”, *Acta orientalia* (Работы и вопросы формулы “*sözümüz*” («наше слово»), *Отдел востоковедения*, 1957: 18 ff.; пример, иллюстрирующий повышенную чувствительность Москвы, произошёл в 1630 году, когда Москва выразила формальный протест против факта, что титул царя в ханском письме не был прописан полностью и золотом (см. *ММКК*: no. 17); а с другой стороны хан был недоволен тем, что московский посол, вопреки обычаям, отказывался снимать *kalpak* (головной убор) и кланяться в его присутствии (см. *ММКК*: no. 121, d. 1649); о ярлыке также смотрите G. Doerfer, *Elemente* (Г. Дёрфер. Элементы), III: 153–58.

94. *ММКК*: nos. 84, 86.

95. *ММКК*: no. 64, возможно, вследствие своего более низкого статуса.

96. *ММКК*: no. 104, датируемый 1646 г. ; n. 119.

97. *ММКК*: no. 284 от 1685 г.; а также титул “*djumle Khristiyanniñ Pādişāhi*” («падишах всех христиан») вошёл в употребление (см. *ММКК*: nos. 245, 251 от 1679 г.); последний титул царям следовало использовать позднее во взаимоотношениях с Османами. Кроме того, царь, не обращая внимания на крымские протесты, начал использовать титул *`ālem-penāh* в своих письмах к хану: см. *ММКК*: no. 316: “*Djümle Urunsuñ Pādişāhi `ālem-penāh*”, недатированные письма, опубликованные в письмах середины семнадцатого века.

98. Текст договора напечатан у Феридун (*Feridün*), *цит. соч.*, II: 307–10.

99. Majid Khadduri, *War and peace in the Law of Islam* (Война и мир по Закону Ислама) (Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1955): 141–223; “*İmtiyāzāt*,” («Привелегия») в Энциклопедии Ислама, издание II.: 1179–82; о хане и *amān* (клятва) см. *Historia Chana* (История хана): 52.

100. Дипломатические представители классифицировались как *Elçi* и *Büyük* (или *Uluğ*) *Elçi*, (посол и старший посол, или Великий посол), (последнего также называли *Elçi Başı*), в то время как посланца или курьера называли *Çарқun* (гонец) или *Uluğ Çарқun*, а курьера, нарочного или вестового называли *Ulak*. Посольство крымских ханов в Москве включало *Ваş Elçi* или *Elçi Başı* и свиту (эскорт) из двадцати человек, включая *Çарқun*. В

1680 году хан согласился посылать только три дипломата с эскортом в двенадцать человек (см. МИКК: no. 284). Для важных деловых встреч, таких как переговоры о мире, посылался *Büyük Elçi* с дорогими подарками; уже в 1647 году Ислам Герай-хан согласился посылать только двенадцать человек с *Elçi*, представляющим хана, *калга* и нурадина (*nuradin – nureddin*), и не позволять любым другим крымским представителям власти посылать отдельно своих дипломатов. Когда *çarķun* предстояло отправиться, его должны были сопровождать только трое слуг (МИКК: no. 112); об *Elçi* и *Çarķun* смотрите также у Джозефа Матуза, *Krimitatarische... (Крымскотатарские...)*, *цит. соч.:* 53–58. *Uluğ Hazine (казна)* царь должен был отправлять каждый год с “*Saym Uluğ Elçi Başı*” (Уважаемый великий посол) МИКК: no. 20, от 1632 г.).

101. *Farmān-rāni* или *Farmān-ravā*, или *Farmān-farmā* всегда используется, но в сложном сочетании. В 1643 году крымцы отказались использовать этот титул в отношении царя (А. А. Новосельский, *цит. соч.:* 325–326).

102. L. Bréhier, “L’origine des titres impériaux ā Byzance,” *Byzantinische Zeitschrift (Л. Брейер, «Происхождение императорских титулов в Византии»)*, XV (1906): 161.

103. М. Шефтель, *art. cit.:* 65–69.

104. *Там же:* 67.

105. Этот период детально рассмотрен в работе Х. Инальджика “*The Crimean Khanate during the Great Retreat*” («Крымское ханство во время Великого Отступления»), 1683–1699, *Habilitation theses (диссертация)* (Анкара: Факультет языка, истории и географии, 1952, не опубликовано); письма османских султанов к крымским ханам в период 1687–1701 гг. можно найти в *Nāme-i Hütmāyün Defteri*, no. 5, *Başvekālet Archives, Istanbul*.

106. МИКК: no. 284 от 1685 г. Титулы царя передавались следующим образом: “*Djümle Uluğ ve Küçük Ak Urusnuñ ve Mağrib ve Maşrik ve Şimal taraflarında Bolğan Khristiyanniñ ve Köp yerleriniñ Pādişāhları ve Hükümdārları Bolğan Kardaşlarımız Uluğ Khanlar ve hem Uluğ Begler Iban Aleksayevic ve Petre Aleksayevic*” («Падишахи всея Великой и Малой Белой Руси, Востока и Запада, христиан на северных территориях, и многих иных земель, наши братья падишахи и главнокомандующие, великие ханы, великие беки Иван Алексеевич и Петре Алексеевич).

107. Текст в *Medjmi`a-i mü`āhedāt* (Стамбул, 1298/1880) III: 210ff., и Финдиклили Мехмед-ага, *Nusretnāme*, ed. I. Parmaksizoğlu, II, I (Стамбул, 1964).

Сведения об авторе перевода: Сейтхалилова Лейля Сейтхалиловна – старший преподаватель английского языка, лаборант-исследователь Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); lilya_crimea@mail.ru

Power Relationships between Russia, the Crimea and the Ottoman Empire as Reflected in Titulature. Part 2.

Halil Inalcik

Abstract. The given article is a Russian translation of the Turkish historian (of the Crimean Tatar origin) Halil Inalcik's work "Power Relationships between Russia, the Crimea and the Ottoman Empire as Reflected in Titulature". The author focuses attention on changes in titulature of Russian tsars and other rulers in the context of changes in mutual power relationships between the states. The author also analyses economic relationships between the given countries, pays attention to the tribute paid by the neighboring countries to the Crimean Khanate. The author stresses the most important of them: *uluğ hazine, koltka, tiyiş, bölek, vergi, pişkeş*. The essence of tribute sent to the Crimean Khan, his family members, officials, begs and servants is carefully considered.

Keywords: Crimean Khanate, Ottoman Empire, Russia, titulature, tribute, power relationships, officials.

For citation: *Inalcik H.* Power Relationships between Russia, the Crimea and the Ottoman Empire as Reflected in Titulature. Part 2. / *Inalcik H.; Transc. Seytkhalilova L. S.* Krymskoe istoricheskoe obozrenie=*Crimean Historical Review*. 2020, no. 1, pp. 19–44. DOI: 10.22378/kio.2020.1.19-44

About the translator: Seitkhalilova Leylya Seytkhalilovna – senior English language teacher, laboratory assistant of the Crimean Scientific Center of Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (420111, Kazan, Baturin st., 7A, Russian Federation); lilya_crimea@mail.ru

